

ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОСТІ

А.В. Богомоллов, С.И. Данилов, И.Н. Семиволос

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В КРЫМУ

1. Введение

В истории АР Крым было четыре волны конфликтов в земельной сфере. Первая, 1989 – начало 1990-х гг., была связана с массовым возвращением крымских татар. Репатрианты были вынуждены прибегнуть к самозахватам, столкнувшись с сопротивлением со стороны крымских властей, которые всячески ограничивали возможности репатриантов получить землю и жилье законным путем. Именно в этот период, до приватизации, когда государство было фактически единственным монопольным распорядителем земельных ресурсов, была возможность удовлетворить потребности основной массы репатриантов в земле, не задевая при этом интересов других групп и не создавая того напряжения в обществе, которое сопровождало земельные конфликты впоследствии. Вместо этого коммунистические власти предпочли вложить все силы в то, чтобы предотвратить возвращение крымских татар и мобилизовать общественное мнение против репатриантов. Вместо поисков решения нарастающего социального кризиса власти, таким образом, последовательно инвестировали в конфликт. Предметом особой заботы властей было не дать возможности репатриантам поселиться в Симферопольском районе и на Южном берегу Крыма. В дальнейшем поселки, возникшие на самозахватах первой волны, были легализованы. В настоящий момент большинство крымских татар проживают в этих поселках, получивших в официальном языке наименование “поселки/микрорайоны компактного проживания”, где слово “компактный” означает моноэтнический состав жителей¹.

Три последующих волны земельных конфликтов связаны с определенными фазами земельной реформы. Вторая волна, начавшаяся в 1999 г., была связана с началом аграрной реформы и распаиванием собственности колхозов и совхозов. Лишь незначительная часть крымских татар успели вступить в колхозы, в связи с чем большинство репатриантов, проживавших в сельской местности, оказались лишены права на владение паями. В ответ на растущее общественное недовольство 28 июня 1999 г. был принят Указ Президента Украины №765/99², которым предусматривалось предоставление земельных паев работникам социальной сферы и “депортированным гражданам” за счет земель запаса и резервного фонда. Указ был призван сгладить впечатление о дискриминационном характере земельной реформы по отношению к крымским татарам.

До момента выхода президентского Указа лучшие по качеству участки земли уже были распределены. В соответствии с отчетом, подготовленным экспертом ПРООН, местные элиты (руководство колхозов и местные чиновники) получили в среднем более чем по 25 га лучших по качеству пахотных земель, в то время как средняя цифра по региону составила 5–7 га на человека³. Большинство бывших членов колхозов не имело ресурсов, необходимых для ведения индивидуального крестьянского хозяйства, и у них не было другого выбора, кроме как отдать свои пай в долгосрочную аренду за символическую плату собственникам частных сельскохозяйственных предприятий, которые возникли на развалинах бывших колхозов, или продать свои земельные сертификаты по бросовой цене.

Третья волна конфликтов коснулась земель Южного берега Крыма и продолжалась в период 2001–2004 гг. Она была связана с ожидавшимся 1 октября 2004 г. окончанием моратория на продажу сельскохозяйственных земель. Четвертая волна земельных конфликтов началась в 2006 г., в преддверии следующей даты окончания моратория – 1 января 2007 года. Приближение даты окончания моратория, означающее окончательное утверждение рыночных отношений в земельной сфере и воспринимаемое большинством граждан как утрата последних возможностей бесплатно получить землю, всякий раз было связано с ростом панических настроений, способствующих, в частности, общественной мобилизации в форме самозахватов.

За годы земельной реформы в тени продолжающегося моратория на продажу сельскохозяйственных земель образовался мощный серый земельный рынок, через который большая часть земель перешла под контроль неформальных консорциумов, состоящих из сельскохозяйственных производителей и местных чиновников. В наследство от горбачевских времен Украине досталась нерыночная норма Земельного кодекса, позволяющая теоретически каждому совершеннолетнему гражданину Украины бесплатно получить земельный участок как для строительства жилья, так и для ведения хозяйственной деятельности на основании решения органа местного самоуправления. Санкционированная таким образом возможность произвольной бесплатной раздачи земли сделала органы местного самоуправления объектом мощного давления со стороны агробизнеса и застройщиков. Поскольку решение о выделении или отказе в выделении земли принимается по усмотрению членов местного совета и, по сути, обжалованию не подлежит, обычным гражданам часто не остается другого выбора, кроме как прибегнуть к давлению, объединившись в группу. Так как получить землю от местной власти без наличия свободного земельного участка нельзя, претендента подталкивают к тому, чтобы каким-то образом этот участок обозначить. Дальнейший конфликт, когда власти отказываются выделить даже пустующий участок, обозначенный претендентом, а тот, в свою очередь, стремится его удержать, неминуемо приводит к самозахвату⁴. В новом УК Украины, принятом в 2001 г., самовольное занятие земельной делянки и самовольное строительство были декриминализованы и переведены в категорию гражданско-правовой и административной ответственности. Законом от 11 января 2007 г. Верховная Рада восстановила уголовную ответственность за самовольное занятие земельной делянки в дополнение к гражданско-правовой и административной⁵. С 2001 года по 2007-й, таким образом, существовало окно возможностей, позволявшее проводить массовые протестные акции с занятием свободных земельных участков и строительством на них временных строений. Реализация земельных интересов граждан в такой форме в других регионах Украины не встречается. Только прибытие значительного числа репатриантов, для которых земля представляет собой экзистенциальную потребность – как индивидуальную, так и коллективную, ввиду ее необходимости для сохранения крымских татар как этнической группы и культурного сообщества⁶, с одной стороны, и в связи с высокой стоимостью крымской земли и со статусом Крыма как особого региона Украины с точки зрения его истории, демографии, административного статуса и места в двусторонних украинско-российских отношениях, – могло породить такую уникальную социально-политическую реальность, которую можно было бы охарактеризовать как чрезмерно *политизированный рынок земли*⁷.

В рамках данного исследования нас интересовали следующие вопросы:

1) каковы основные факторы (не)эффективности различных механизмов урегулирования земельных споров (судебных решений, земельных согласительных комиссий, медиации);

2) каковы представления участников протестных акций, лидеров организаций, защищающих права и интересы различных групп населения в земельной сфере, о социальном порядке, о коллективных и индивидуальных правах на землю, о механизмах их

реализации, о проблеме самовольного занятия земли, механизмах урегулирования земельных споров;

3) каковы должны быть механизмы урегулирования земельных проблем, чтобы они воспринимались как легитимные и справедливые всеми участниками земельных споров.

Исследование представляет собой анализ публичной политики в сфере земельных отношений в АР Крым на основе мультидисциплинарного подхода с использованием методов культурной антропологии и других социальных наук. Исследование построено как анализ трех конкретных ситуаций, связанных с массовыми протестными акциями в форме самовольного занятия земельных участков в поселках Молодежное (Симферопольский район), Мирное (Симферопольский район) и на территории сельского совета Ровное (Красногвардейский район). Все три изученных ситуации были выбраны как репрезентативные с точки зрения имущественных отношений сторон спора и механизмов, задействованных для урегулирования конфликта. На основе глубинных интервью, фокус-групп, анализа судебных и других документов, имеющих отношение к земельным спорам, была реконструирована динамика конфликтов и процесса урегулирования в каждом из рассмотренных случаев и сделаны некоторые обобщения относительно потенциала применяемых в АРК методов урегулирования земельных конфликтов.

2. Анализ ситуаций

2.1 Мирное

Ситуация в Мирном представляет собой один из самых масштабных земельных конфликтов в АР Крым. Самозахваты расположены на землях бывшего совхоза им. Дзержинского (Академия аграрных наук), Научно-производственного центра мясного птицеводства (НПЦ) (здесь и далее внешний самозахват) и землях запаса, находящихся на территории села (внутренний самозахват). Как следует из подготовленных на июнь 2011 г. документов, республиканские власти приняли решение узаконить имеющиеся самозахваты. В частности, предусмотрено выделить 348 га депортированным гражданам, в том числе 310 га – иногородним, 38 га крымским татарам – жителям села, еще 68 га планируется выделить работникам НПЦ. Речь идет, таким образом, о 6–6,5 тыс. участках. В то же время по состоянию на лето 2011 г. в сельский совет было подано 11972 заявки, из них 8089 крымскими татарами, 8933 – иногородними и 3039 – жителями села Мирного. Для сравнения: все население поселка Мирного составляет 11800 человек, а текущий список земельной комиссии СМ АРК на момент проведения исследования включал 10358 претендентов на землю.

Серьезных попыток урегулирования конфликта между участниками внешних самозахватов и местной властью в течение всего периода не было. Коммуникация между участниками самозахвата и местной властью сводилась к подаче заявлений на предоставление земельных участков. Практически с самого начала в отношении земель внешнего самозахвата было принято решение о включении в границы населенного пункта, и никто другой, кроме участников протестной акции, претензий на них не предъявлял. Единственное исключение составляет участок, примыкающий к микрорайону Жигулина Роща, который планировалось передать под коммерческую застройку, и спор за территорию внутреннего самозахвата с местным советом.

В начале 2007-го и летом – осенью 2008 года состоялись два судебных процесса в отношении внутреннего самозахвата на территории Мирного и внешнего самозахвата (Жигулина Роща)⁸. Местная власть, по-видимому, изначально имела намерение продать земли внутреннего самозахвата под строительство коттеджей; целый ряд участков по соседству уже был продан подобным образом и в данный момент застроен. Судебный процесс 2007 г. вписывается в целую серию подобных судебных разбирательств в отношении самозахватов на территории Симферопольского района, последовавших после принятия Закона “Об усилении ответственности за самовольное занятие земельного

участка...”, который вступил в силу 3 февраля 2007 г. Именно симферопольская районная власть выступила главным инициатором лоббирования этого закона в Верховной Раде.

Массив Жигулина Роща по состоянию на 2007 год не рассматривался районной и местной властью как часть резервных земель, предназначенных для жилищного строительства⁹. Он скорее фигурировал в планах районной власти в качестве инвестиционного ресурса: 15 га предполагалось выделить под строительство не менее трех гипермаркетов. В 2008 году такой инвестор, заинтересованный в покупке земельного массива Жигулина Роща, появился. Одновременно проект строительства новой объездной дороги вокруг Симферополя, предполагавший отчуждение еще 12 га на смежном участке, вступил в конфликт с интересами “славянского” сектора самозахвата на Жигулиной Роще. Крымскотатарские и “славянские” участники, ранее кооперировавшиеся между собой в рамках “славяно-татарского поселка Единство/Бирлик”, оказались в существенно разном положении, что привело к росту взаимного недоверия, усилившегося после того, как в ситуацию вмешались общественные организации КГБ “Наше право”, Русская община Крыма (РОК) и Таврический союз. Одновременно в прессе распространялась информация о том, что крымскотатарские участники внешних самозахватов в Мирном имеют по несколько участков в других районах АРК¹⁰, что подогревало недовольство местного славянского населения. Еще одним камнем преткновения стало ранее принятое решение местной власти о порядке распределения земель, предусматривавшее выделение 348 га депортированным иногородним гражданам, 15 га крымским татарам – уроженцам села Мирного и 68 га бывшим работникам совхоза. Значительная группа местного славянского населения, не попадавшая ни в одну из этих категорий, почувствовала себя обделенной.

Судебное решение, принятое в июне 2008 г., предполагало освобождение территории Жигулиной Рощи от самозахватов. 20 июня судебные исполнители в сопровождении милиции попытались выполнить решение суда, но столкнулись с сопротивлением участников самозахвата, которым в течение короткого времени удалось мобилизовать до 5 тысяч человек. Аргументы инвестора, построенные на апелляции к интересам местной громады, – создание рабочих мест, инвестиции в благоустройство территории села, – не произвели ожидаемого эффекта, по-видимому в силу того, что лишь незначительная часть внешних самозахватов контролировалась местными жителями.

Осенью 2007 г. поселковым советом Мирного был подан иск против 8 участников внутреннего самозахвата. По словам одного из них, их просто “вычислили” по номерам рядом стоявших машин¹¹. Для участников поляны с самого начала было очевидно, что реальным инициатором судебного иска был застройщик, получивший добро от местной власти на строительство коттеджей на этом участке. Участникам внутреннего самозахвата судебный процесс не запомнился как значимое событие. По их словам, решение было принято в пользу ответчиков, так как действия их были квалифицированы

как акция протеста, а не самовольное занятие земель. Урегулированию проблемы, по словам участников, способствовало выделение более десятка участков членам поселкового совета.

В связи с тем что земельная проблема в Крыму практически всеми сторонами рассматривается как фактор напряженности в межэтнических отношениях, особый интерес представляет участие различных этнических сообществ в земельных спорах, а также представления о земельных спорах и справедливых путях их урегулирования, распространенные среди представителей различных этнических групп.

В этой связи в полевых материалах, собранных в п. Мирном, обращают на себя внимание следующие моменты. В общественной дискуссии сложилось устойчивое представление о том, что тот или иной самозахват может быть этнически маркирован. Самозахват может быть атрибутирован как (крымско)татарский, славянский или смешанный. Представление об этнической исключительности коллективных земельных претензий и неприятие этнически смешанных типов, по-видимому, закреплены достаточно глубоко, о чем, в частности, свидетельствует частотность таких терминов, как “микрорайоны” или “поселки компактного проживания”, и отсутствие каких-либо признаков отторжения этой терминологии в обществе.

На этом фоне особый интерес представляют смешанные самозахваты и общественные представления, связанные с ними. Наш материал показывает, что смешанные самозахваты, по-видимому, являются скорее социальным конструктом, чем частью объективной социальной реальности. Наблюдения за самозахватами, на материале Мирного, показывают, что славянские самозахваты представляют собой отдельные от крымскотатарских участки. В случае внутреннего самозавата в Мирном это несколько улиц на юго-восточной стороне самозавата. На внешнем самозавате славянские участки также

находятся на периферии поляны протеста, ближе к границам существующего населенного пункта.

Славянский актив самозавата, даже наиболее “интегрированного” внутреннего, по-видимому, довольно настороженно относится к крымскотатарским участникам, хотя и кооперируется с ними по ряду вопросов: “У нас как татары отдельно стояли, а русские отдельно стояли”¹². Материалы интервью показывают, что, несмотря на достаточно длительный опыт взаимодействия с крымскими татарами на полянах протеста, участники славянских самозаватов в значительной степени разделяют стереотипы, распространенные среди широких масс русскоязычных крымчан относительно земельных претензий, выдвигаемых крымскими татарами, в частности представление о том, что все крымские татары стремятся получить участки для последующей продажи: “Им участки по выделению, они их продавали и сейчас опять просят”¹³.

На “смешанных” самозаватах инициаторами взаимодействия между различными этническими группами, как, впрочем, и всех организационных мероприятий, выступают

крымскотатарские активисты. Крымскотатарские активисты всегда подчеркивают наличие славян на самозахватах и высоко оценивают уровень кооперации с ними. Славянских же участников самозахватов, как правило, гораздо труднее найти на поляне, установление с ними контакта представляет определенные трудности. Во время проведения интервью они, как правило, гораздо менее откровенны, чем крымскотатарские собеседники. Материалы по внутреннему и отчасти внешнему самозахватам показывают различие мотивации славянских и крымскотатарских участников. Славянская часть самозахвата на периферии Мирного, по-видимому, возникла как реакция на внешний самозахват, организованный иногородними крымскими татарами. Характерно, что славянские участники самозахватов и крымскотатарские используют разные термины в отношении явления, к которому они вместе причастны. Крымские татары предпочитают называть самозахваты “полянами протеста”, а сам процесс подобного освоения земли – “самовозвратом”. Славянские участники, в особенности активисты таких организаций, как Таврический союз, предпочитают называть подконтрольные им участки самозахвата “славянскими пикетами”, сознательно противопоставляя таким образом славянские самозахваты крымскотатарским¹⁴, в то время как рядовые участники предпочитают избегать политизированной лексики, употребляя нейтральные определения – “наша земля”, “мой участок”. Для них проблема земли имеет скорее экономическое измерение: “Меня не интересует земля, но хотя у меня есть пай, я хочу его продать”¹⁵. Организации, подобные Таврическому союзу и Русской общине Крыма, напротив, интересуются проблемой земли преимущественно как ресурсом для политической мобилизации. Сравните:

Основной целью Славянских пикетов было противодействие безнаказанному захвату земли и требование к органам власти осуществлять распределение земельных участков под индивидуальное жилищное строительство в соответствии с действующим законодательством, а не по благу или вследствие политического давления и насилия¹⁶.

Серьезное отношение к этой риторике со стороны законодателя предполагало бы, по-видимому, отмену бесплатного распределения земли как такового, что вряд ли соответствует интересам рядовых участников славянских пикетов. Мотивация участников славянских пикетов, таким образом, колеблется между двумя диаметрально противоположными установками – не дать возможности получить землю *другому* или забрать землю себе. Таким образом, общая на первый взгляд проблема земли для индивидуального жилищного строительства не объединяет этнические компоненты крымского общества, а скорее служит дополнительным фактором его фрагментации.

Характерной особенностью земельного конфликта в Мирном является тот факт, что часть внешнего массива полей протеста находится на территории концентрационного лагеря времен Второй мировой войны и мест массового захоронения военнопленных и жертв сталинских репрессий. Этот факт нашел отражение в активной медиа-дискуссии в связи с земельными проблемами в Крыму. В период эскалации земельного конфликта ряд общественных организаций, в первую очередь Русская община Крыма, уделяли особое внимание теме концентрационного лагеря. РОК провела ряд митингов у памятника погибшим узникам. В программу митингов, в частности, входила очистка территорий захоронений, в процессе которой, по утверждению крымскотатарских участников самозахвата, мусор выбрасывался во двор мечети, строящейся напротив памятника. Выступления участников митинга содержали призывы не допустить застройку территории бывшего концлагеря. В средствах массовой информации разгорелась дискуссия, сфокусированная на проблеме моральных прав различных групп на данную территорию. О накале страстей свидетельствует следующая цитата из интервью, взятого у одного из лидеров Русской общины во время проведения митинга:

...[Самозахват на данных участках] нарушает общественную мораль. На святом месте, где уничтожали патриотов, привозимых из душегубок, люди строят жилье. Один дом уже построили, и там бабушки с детишками живут. Забор повалим однозначно, а что с

домом делать, будем думать 22 июня. Один дом не достроен – будем его разбирать однозначно, и две кибитки, так называемые “сортиры Джемилева”. Вот четыре объекта, которые непосредственно находятся на территории крематориев¹⁷.

В этой связи нас особо заинтересовал вопрос о том, насколько такой идеологический фон определяет характер взаимоотношений между реальными участниками земельного спора и жителями села¹⁸. Как свидетельствуют материалы фокус-группы, несмотря на продолжительную кампанию в прессе, русскоязычные жители поселка в большинстве не знают о существовании этой проблемы либо не считают ее значимой ни для межэтнических отношений, ни для перспектив урегулирования проблем земли в поселке.

Полевой материал по Мирному позволяет сделать определенные выводы по социальному составу участников полей протеста. Уровень жизни людей, стоящих на полянах, в целом ниже среднего, значительную часть участников составляют крымские татары – трудовые мигранты из депрессивных степных районов Крыма¹⁹. При этом характерно, что в активе полей протеста, как крымскотатарских, так и славянских, заметны более обеспеченные граждане²⁰. Для части актива, напротив, опыт успешного социального лидерства, приобретенный на самозахватах, по-видимому, открывает новые социальные лифты.

Протестные акции по вопросам земли, проходившие длительное время и мобилизовавшие значительное количество участников, можно рассматривать в качестве особого общественного движения, которое привело к определенной перестройке общественных отношений и формированию новых общественных групп. Одной из наиболее заметных новых социальных групп являются последователи Данияла Аметова, объединенные с недавнего времени вокруг общественной организации “Себат”²¹. Наличие общих ценностей, связанных с ориентацией на ислам салафитского толка, само по себе вряд ли могло привести к формированию столь многочисленной, сплоченной и мотивированной группы (как минимум 2 тысячи участников).

2.2 Молодежное

В п. Молодежном самозахватами заняты два поля, с двух сторон примыкающие к массиву компактного проживания крымских татар Яшлар, который сформировался в результате самозахвата 1990-х годов. Верхнее поле²², примыкающее к корпусам Аграрного университета (Крымский агротехнологический университет), площадью 63,4 га (320 участков) представляет собой совместный крымскотатарско-славянский самозахват. В момент проведения полевых исследований на поле шло строительство жилья. По утверждению старших полей протеста, ранее на этой территории планировалось строительство конно-спортивного комплекса. Участники поляны протеста – преимущественно жители п. Молодежного, в том числе малосемейных общежитий, недавние репатрианты. В отличие от Нижнего поля, самозахват на Верхнем поле не оспаривался распорядителем в судебном порядке. Однако с руководством Агроуниверситета продолжается затяжной латентный конфликт. В ответ на самозахват руководство Агроуниверситета огородило забором свою территорию, перекрыв подъездные пути не только к поляне протеста, но и к поселку²³. С другой стороны, наличие этого забора свидетельствует о том, что Агроуниверситет, по-видимому, окончательно отказался от каких-либо претензий на Верхнее поле.

Как и в Мирном, наблюдения показывают, что славянская часть самозахвата представляет собой отдельный от крымскотатарского сектор, который, в отличие от Мирного, маркирован особым образом – на краю участка, ближе к местному кладбищу, строится часовня. Характерно, что крымскотатарские участники утверждают, что это они подсказали идею строительства часовни своим славянским партнерам, сославшись на то, что мечеть им на Верхнем поле не нужна – она есть в Яшларе, а вот православные своего храма не имеют.

Второй самозахват (Нижнее поле) площадью примерно 80 га (до 580 участков) расположен вдоль трассы Симферополь – Джанкой, на территории заброшенного фруктового сада, который был распаеван в начале 2000-х гг. и до конца 2005 года находился в аренде у сельскохозяйственного предприятия “Пригородное”. 18 пайщиков в 2003–2006 гг. получили государственные акты на право собственности на земельные участки для ведения личного крестьянского хозяйства. В отличие от Верхнего поля, состав участников данного самозахвата моноэтнический. По утверждению старших полян протеста, первые претензии на этот участок предъявлялись крымскотатарскими репатриантами еще в 1996 г. Тогда же, по словам старшего поляны протеста, были заложены несколько фундаментов, сохранившихся до настоящего времени²⁴.

Нижнее поле в п. Молодежном представляет собой один из всего лишь двух случаев самозахвата на распаеванных землях. Второй случай имеет место на территории с. Чистенькое Симферопольского района²⁵. В обоих случаях участники полян протеста уверены, что госакты на землю оформлены на подставных лиц и реальным распорядителем является районный чиновник и крупный предприниматель районного масштаба В. Загорецкий²⁶. В случае с Нижним полем в п. Молодежном пай оформлены на бывших работников совхоза “Пригородный”.

Весной 2006 г., после разрыва договора аренды, пайщики предприняли попытку размежевать свои земли. В этот момент на поле уже находились участники поляны протеста, не допустившие размежевания. Пайщики предприняли несколько попыток обозначить свои участки на местности, но всякий раз межевые знаки уничтожались. В августе 2006 года на Нижнем поле начался завоз стройматериалов, а затем строительство временок²⁷. Пайщики инициировали кампанию обращений в органы государственной власти всех уровней. В то же время на части земель пайщики попытались заложить новый сад. В ответ на это в ноябре – декабре 2006 года по инициативе депутатов Молодеженского поселкового совета и представителей полян протеста была проведена “экспертиза оценки земель сельскохозяйственного назначения на предмет соблюдения общих требований агротехнических мероприятий”²⁸. В экспертизе, в частности, было отмечено, что ведение нормальной сельскохозяйственной деятельности на данном участке является затруднительным и требует вложения капитальных средств. Эти выводы укрепили аргументы, выдвигаемые участниками поляны протеста, основанные на том, что данная земля на самом деле давно заброшена и государственные акты на нее могли быть оформлены задним числом. С другой стороны, занятие заброшенной земли с точки зрения представлений, восходящих к обычному праву, в отличие от занятия культивируемых земель, не является предосудительным актом.

Представители пайщиков утверждают, что никаких переговоров с самозахватчиками не вели и изначально требовали только освобождения земельных участков. В свою очередь, старшие полян протеста утверждают, что с самого начала с пайщиками велись неформальные переговоры и предлагались варианты урегулирования спора. В частности, предлагалось обменять искомые земельные пай на такие же по площади, но более приспособленные для ведения сельского хозяйства. В качестве второго варианта предлагалось выделение каждому пайщику 2–3 земельных участков под индивидуальное строительство на самозахвате. 22 мая 2007 года депутаты Молодеженского поселкового совета действительно предлагали сельскому голове рассмотреть возможность перенести пай и на 11-й сессии поселкового совета 8 июня 2007 года обратились в Симферопольскую райгосадминистрацию за разъяснением о возможности обмена паев. По утверждению старших полян протеста, договоренности по обмену были сорваны вследствие вмешательства неизвестных лиц, обещавших выкупить у пайщиков их земельные участки под коттеджное строительство по рыночной стоимости²⁹.

Срыв договоренностей об обмене паев сопровождался публичной активностью собственников паев и их обращениями в судебные инстанции. Так, 5 декабря 2007 года

решением Симферопольского районного суда пайщики были признаны собственниками временок на территории самозахвата. Суд также постановил, что “зважаючи на те, що земельна ділянка, що належить позивачеві... є землею сільськогосподарського призначення, наявність зазначених у позові забудов перешкоджає власникові землі використовувати її за цільовим призначенням”, на основани чого суд признав право пайщиків разобрать данные временные строения. Это решения послужило для пайщиков основанием для многочисленных обращений в органы власти с требованиями выполнить решение суда и наказать должностных лиц, не исполняющих его. Содержание ответов, полученных практически от всех государственных органов – от Секретариата Президента до Главного управления МВД в АР Крым, – сводится к тому, что установить, кто именно несет ответственность за самовольное занятие земельных участков, не представляется возможным. Неформально, по словам пайщиков, власти предлагали им следующий ответ: “Это политический вопрос; ждите, пока из Киева отмашка придет”³⁰.

16 сентября 2010 года около 30 человек, представившихся активистами Таврического союза и казаками сотни из организации “Соболь”, в присутствии пайщиков предприняли попытку снести строения на Нижнем поле. По разным данным, было разрушено до 20 временок. Акция довольно быстро была прекращена ввиду мобилизации значительного числа крымских татар и вмешательства милиции, которая усмотрела в происходящем угрозу возникновения межэтнического конфликта³¹.

11 апреля 2011 года комиссия в составе депутатов Молодеженского поселкового совета и землеустроителя произвела обследование целевого использования земель сельскохозяйственного назначения. В результате обследования было выявлено, что данные земли более 10 лет не обрабатываются и не используются. На основании этого 20 апреля 2011 г. поссовет обратился с ходатайством к Симферопольской райгосадминистрации рассмотреть вопрос о переносе паев и передаче Нижнего поля под жилищное индивидуальное строительство.

Важно отметить, что поселковый совет мотивирует свое обращение, в частности, интересами социально-экономического развития территории³². Речь идет о том, что при увеличении количества жителей населенный пункт может претендовать на дополнительные бюджетные субвенции для развития социальной инфраструктуры: поселок, кроме всего прочего, нуждается в новой школе, лучшем медицинском обслуживании и т.п. Между поселковой властью и участниками полян протеста, таким образом, существует определенная общность интересов, в то время как реализация интересов пайщиков, которые не являются частью местной громады, с точки зрения интересов местной громады ничего не прибавляет, скорее напротив, создает неудобства. Так, в судебном разбирательстве по иску пайщиков местная власть даже выступала в качестве ответчика. Прямая коммуникация между местной властью и пайщиками, по-видимому, вообще отсутствует³³.

Определенная слабость позиции пайщиков связана еще и с тем, что во всех своих действиях (обращениях к властям, судебных исках) они вынуждены исходить из того, что земля, за которую они борются, представляет собой сельскохозяйственный ресурс, в то время как для всех остальных участников вполне очевидным является тот факт, что данная земля уже утратила свою ценность для ведения экономически выгодной сельскохозяйственной деятельности. Наиболее экономически оправданным способом реализации этих паев на данный момент было бы изменение их целевого предназначения и продажа застройщикам или предприятию розничной торговли (например, под строительство гипермаркета). На фоне такой экономической реальности пайщики, даже если они являются добросовестными собственниками, отстаивающими свои права, выглядят неискренними в глазах остальных участников конфликта.

Реальная рыночная ситуация, определяющая динамику данного конфликта, возможности и ограничения, регулирующие поведение его участников, в той или иной

форме осознается всеми, но не обязательно представляется приемлемой для участников с моральной точки зрения. Торг по поводу каких-либо ценностей даже материального характера по-прежнему остается за пределами морально возможного в посткоммунистическом обществе. Коммуникация между сторонами поэтому недолговременна и нерезультативна, а единственным социально приемлемым инструментом остается давление и (как правило, опосредованное) насилие. Единственной стороной, прямо говорящей о том, что она хочет, являются крымские татары. В отношении всех остальных сторон (к которым, помимо пайщиков, следует отнести реальных или потенциальных покупателей, заинтересованных чиновников на уровне районной власти) существует очень большая неопределенность. Неясен (хотя активно обсуждается всеми) даже их реальный состав. Можно только теоретически предполагать, во сколько каждый из этих участников оценивает свой интерес и на какие уступки они, соответственно, готовы были бы пойти.

2.3 Село Ровное

На территории сельсовета Ровное, Красногвардейского района, в состав которого, помимо собственно села Ровного, входят села Молочное, Некрасово и Новоникольское, в 2000 году в процессе распаивания бывших совхозных земель сельскохозяйственного назначения разгорелся конфликт. Причина его состояла в том, что часть крымскотатарских репатриантов, проживавших на территории сельсовета, не получили земельных паев, поскольку механизм распаивания земли сельскохозяйственного назначения предусматривал возможность получения пая только для членов/работников бывших колхозов и совхозов, а большая часть крымских татар, вернувшаяся на родину в 1990-е гг., уже не могла попасть в эту категорию. Подобные конфликты имели место во многих районах Крыма и стали предметом горячих дискуссий в обществе. Проблема неоднократно выносилась на широкое общественное обсуждение, в том числе в парламентах АРК и Украины, а также на уровне Совета представителей крымскотатарского народа при Президенте Украины, что привело к частичному пересмотру нормативной базы в целях обеспечения более справедливой модели распаивания³⁴. Несмотря на принятые меры, проблема сохранила свою актуальность и рассматривалась на 1-й сессии IV Курултая крымскотатарского народа 9 ноября 2001 года³⁵. Земельный конфликт на территории сельсовета Ровного привлек наше внимание как один из немногих случаев, когда решение было найдено на местном уровне при непосредственном участии всех заинтересованных сторон с применением методов медиации. Конфликт продолжался с конца 1999-го до осени 2000 г. Острая фаза конфликта, включая массовые акции протеста, имела место в апреле 2000 года. Переговоры с привлечением медиаторов состоялись 20–27 мая 2000 г.

Ресурсом для удовлетворения коллективных претензий, выдвинутых крымскими татарами, по состоянию на 2000 год могли быть только так называемые *земли запаса*, находившиеся в долгосрочной аренде у трех фермерских объединений (“Большевик”, “Луч”, “Поле”)³⁶. Законодательство Украины предусматривает возможность передачи этих земель в частную собственность или аренду. При этом механизм передачи (не продажи!) таких земель в частную собственность и то, кто именно может пользоваться такой привилегией, Земельный кодекс Украины умалчивает, а распорядителем этих земель по закону являются советы народных депутатов разных уровней, т.е. фактически местное чиновничество³⁷. Неудивительно поэтому, что земли запаса в соседних селах на момент возникновения конфликта в Ровном уже распаивались в пользу фаворитов местной власти. Ср.:

Так, с 18 августа 1999 года депортированные и работники социальной сферы обращались с заявлениями к сельскому голове Амурского сельского совета Красногвардейского района В. Хлюстову о выделении им земли. На 1 ноября 1999 года в сельский совет подано

257 заявлений, оставшихся без разрешения. Вместе с тем решением исполкома сельского совета от 28 января 2000 года выделено 511 гектаров земли 20 лицам, занимающим различные должности в районных учреждениях, и их родственникам, в том числе супруге и дочери Хлюстова. [...] В коллективную собственность фирмы “Черноморец” из резервного фонда совета выделены 211 гектаров земли для дополнительного паевания 87 пропущенным и вновь принятым членам этой фирмы³⁸.

Указ Президента № 765/99 от 28 июня 1999 г., таким образом, имел обратный от задуманного эффект. С одной стороны, он подогрел интерес и ожидания скорого решения проблемы со стороны упомянутых в нем категорий граждан. С другой стороны, ускорил процесс размывания земель запаса чиновничеством, которое почувствовало, что возможности для их небескорыстной землераспорядительной деятельности скоро могут быть ограничены.

На территории Ровненского сельсовета распаевание происходило таким образом. Сельскохозяйственный производственный кооператив “Большевик”³⁹ оставил за собой большую часть совхозных земель (5 тыс. га), фермерское объединение СП “Луч” получило 1,5 тыс. га. Еще во время существования совхоза “Большевик” выделилась одна бригада, которая получила земли в аренду для ведения фермерского хозяйства, а в дальнейшем – в постоянное пользование. В результате десятеро учредителей СП “Луч” при распаевании земель получили по 50 га на человека. Это были самые большие паи по Украине⁴⁰. При этом средний размер пая в районе составил 4 га. Такое неравномерное распределение паев, конечно же, порождало острое ощущение несправедливости.

Активная фаза конфликта началась в марте 2000 года. Указом № 765/99 был установлен срок, когда предполагалось, что вопрос наделения паями депортированных и социальных работников будет решен справедливым образом, – 1 марта 2000 года. Местная власть не могла свободно распоряжаться землями запаса, даже если бы она сочла удовлетворение потребностей крымских татар приоритетной задачей. По утверждению Ровненского сельского головы, “мы были готовы раздать земли запаса. Мы не ставили никаких препон”. Вместе с тем земля находилась в долгосрочной аренде у нескольких сельскохозяйственных предприятий и распорядится ею без их ведома уже было невозможно. Предприятия, в свою очередь, не имели мотивов отдавать арендованную землю кому бы то ни было. Указ Президента, по сути, не имел к ним никакого отношения, а механизмов убеждения или принуждения фермеров отдать арендованную землю категориям граждан, интересы которых не были учтены при распаевании, в Указе предложено не было. Вполне понятно, что у обделенных при распаевании граждан складывалось ощущение быстро сужающегося пространства возможностей, что закономерно порождало панические настроения среди крымских татар, которые ощущали, что соблюдение их интересов в данной ситуации ничем не гарантировано.

Неудивительно, что первоначальные требования инициативной группы крымских татар были максималистскими. Их можно было бы резюмировать таким образом: “Поскольку мы не участвовали [в процессе распределения земли] в самого начала, всю землю нужно опять изъять и перераспределить”. Встречная позиция была также довольно бескомпромиссной: “Мы тут работали, жили здесь, и если законодательство позволило нам взять [землю], мы ее получили, а вы там [в Узбекистане] жили, езжайте туда и берите там”.

Инициативная группа крымских татар – жителей сел Ровненского сельсовета под руководством местного меджлиса организовала перед зданием районной администрации в пгт Красногвардейское постоянно действующий пикет. На территории самого села Ровного периодически проходили митинги. По словам сельского головы, “были угрозы перекрытия железной дороги, трассы, но до этого не дошло”⁴¹. Угроза поджога полей с пшеницей⁴² обсуждалась широко и ощущалась как реальный риск обеими сторонами противостояния. В то время как для фермеров поджог означал бы серьезный

убыток, для участников протестных акций, которых немедленно бы заподозрили в умышленном уничтожении имущества, он мог означать поражение. Необходимо отметить, что мы не располагаем какими-либо материалами, позволяющими судить о том, что кто-либо из участников противостояния напрямую угрожал кому-либо поджогом полей. Угроза поджога обозначилась скорее в обстановке эмоционального накала в процессе эскалации конфликта⁴³. В последующем именно подобные алармистские настроения и побудили фермеров, первоначально отказывавшихся от какого-либо диалога, сесть за стол переговоров.

Представители сельского совета и ключевой инициатор переговорного процесса и медиации Г.И. Садычко (на то время начальник отдела межнациональных отношений Красногвардейской РГА) видели свою первоочередную задачу в том, чтобы усадить инициаторов протестов за стол переговоров. Первый шаг состоял в том, чтобы увести протестующих с площади в закрытое помещение, изменив тем самым формат коммуникации с митинга на собрание. Говоря словами самих инициаторов переговоров, “было тяжело, когда был полный зал народу; мы их убеждали вначале сесть в Доме культуры, а не на площади стоять орать”. Формат расширенного собрания, который также не был эффективным, все же позволял в определенной мере снижать накал страстей и выделить лидеров, с которыми постепенно выстраивался более содержательный диалог⁴⁴. Личные качества координатора и других ключевых организаторов сыграли немаловажную роль в успехе переговоров. Один из участников оценил действия координатора этапа премедиации Г.И. Садычко следующим образом: “Галина Ивановна вела себя очень прилично, порядочно”. Сельский голова Ровного В.П. Шлапак, еще один ключевой инициатор и участник переговоров, до избрания головой в 1996 г. долгое время проработала секретарем сельсовета (1988–1996), пользовалась устойчивым авторитетом в селе, без чего не могла бы проработать на выборных должностях такой длительный срок, и, по ее собственным словам, “всех знала и никогда не относилась к татарам как к пришлым”.

В последующем к процессу переговоров подключилась одесская группа медиации, в которую также входили крымские участники. Было принято решение о привлечении медиаторов непосредственно на завершающей фазе переговоров. При поддержке одесской группы Г.И. Садычко начала процесс премедиации, который предполагал определение повестки дня последующих переговоров с участием медиаторов, работу со сторонами конфликта в целях разъяснения им преимуществ медиации и правил ее проведения и убеждения участников в необходимости ее проведения. Добровольное согласие участников на медиацию является необходимым условием ее проведения. Медиаторы отмечают, что в конфликтных ситуациях люди в переговорах склонны скорее декларировать свои позиции, а не реальные интересы⁴⁵. Одним из важных технических моментов в процессе премедиации поэтому было научить стороны формулировать свои интересы в понятных для всех терминах и согласиться на то, чтобы выслушать подобным же образом представленные интересы противоположной стороны⁴⁶.

Эффективная коммуникация в процессе медиации невозможна без выравнивания статуса сторон, к чему было приложено немало усилий в процессе премедиации. По словам медиаторов, одним из камней преткновения на пути к достижению этой цели была позиция представителей органов власти, которые не привыкли находиться в равных условиях с другими участниками переговоров.

Необходимая для минимального взаимодействия сторон в переговорах степень взаимного доверия была достигнута благодаря тому, что в процессе медиации стороны смогли самостоятельно сформулировать общую для всех платформу, которая состояла в осознании того, что все участники конфликта, независимо от их статуса, являются соседями, которым так или иначе предстоит жить вместе.

В результате переговоров фермерские хозяйства разорвали договоры аренды на часть земель запаса и 94 участника протестных акций получили земельные паи в сред-

нем по 0,9 га на человека. По словам одного из лидеров протестов, земля неполивная и находится в основном далеко от села. Одним из условий договора, поставленных местной властью, было создание четырех сельскохозяйственных кооперативов, на которые была возложена задача распределения паев между индивидуальными участниками протестных акций. В настоящее время кооперативы не функционируют, члены кооперативов получили государственные акты на землю и сдают ее в аренду фермерским хозяйствам.

Для урегулирования конфликта немаловажное значение имеет то, в каких терминах ключевые участники формулируют для себя состояние, достигнутое в результате выполнения всех договоренностей. С точки зрения сельского головы ситуация выглядит так: “Дополнительно мы [местная власть] ничего не дали, все остались на исходных позициях, просто им [участникам протестных акций] уже показали все карты... что мы ничего не скрываем”. Таким образом, для местной власти важно, что она отстояла свою позицию и не пошла на передел собственности. Фразу “дополнительно ничего не дали” можно понимать также как “никто не получил сверх меры” и законность/справедливость в понимании местной власти была соблюдена. Хотя этот тезис не выглядит настолько же бесспорным с точки зрения бывших участников протестов, которые вполне осознают тот факт, что полученные ими паи меньше и худшего качества, чем паи фермеров и членов совхоза, тем не менее они все же в определенной степени были удовлетворены исходом переговоров.

Процесс урегулирования позволил создать общее для всех коллективное благо – гражданский мир. Такого результата нельзя было бы достигнуть, если бы одна из сторон вышла из конфликта безусловным победителем. Позитивным результатом переговоров, и в частности медиации, было то, что стороны принципиально были поставлены в равные условия и все должны были пойти на уступки по отношению к оппонентам. Важно, что всем участникам конфликта удалось сохранить лицо.

Исход переговоров для каждого из участников переговорного процесса можно представить в виде выигрышей разного рода. Хотя эти выигрыши не равноценны и их трудно привести к какому-либо общему знаменателю, важно, что каждая из сторон получила нечто.

Выигрыш крымских татар – участников протестных акций состоял в том, что они получили моральное удовлетворение от признания их прав другими участниками переговоров, в том числе теми, кто первоначально отказывался их признать. Они также получили те материальные блага, за которые боролись: земельные паи. При этом статус члена местного сообщества, имеющего пай наравне с другими, в данной ситуации оказался ценнее, чем прямая материальная выгода, получаемая впоследствии от сдачи земельного пая в аренду. Для некоторых молодых лидеров протестных акций опыт участия в переговорном процессе в интересах большой группы послужил социальным лифтом – со временем они стали авторитетными фигурами в районе.

Выигрыш фермеров состоял в обеспечении безопасности для своей собственности, а также укреплении легитимности в глазах общественности права на владение теми активами, которыми они владели и распоряжались ранее. И наконец, местная власть могла записать на свой счет достигнутые успехи в урегулировании конфликта и обеспечении гражданского мира.

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Собранный полевой материал позволил нам сделать ряд уточнений и обобщений относительно структуры и функционирования социальных институтов, развившихся в ходе массового протестного движения в защиту земельных прав, которые позволяют глубже понять природу земельных конфликтов в Крыму.

Становление самозахвата как общественного института

До марта 2006 года протестное движение в защиту земельных прав использовало формат митингов и палаточных городков. Одной из отправных точек в формировании движения стал митинг на площади Ленина в Симферополе. Главным результатом митинга стало формирование ядра движения на основе списка нуждающихся в земле граждан⁴⁷. «Идейным вдохновителем и главным держателем списка» протестной акции был Даниял Аметов, лидер неформального объединения, получившего наименование «Партенитская группа»⁴⁸. После серии массовых митингов, на следующий день после выборов в центральные и местные органы власти, 27 марта 2006 года появляются поляны протеста на конкретных землях с разметкой на индивидуальные участки, и в августе 2006 года на этих полянах сооружаются временные строения⁴⁹.

Полевой материал, собранный в рамках данного проекта, позволяет сделать некоторые обобщения относительно внутренней структуры полян протеста, сформировавшейся в процессе развития протестного движения в защиту земельных прав. Большие поляны, как правило, поделены на сектора, которыми руководят *старшие поляны*, или иначе *инициативники*. Большие массивы самозахватов могут контролироваться несколькими организациями. Так, внешний самозахват в Мирном контролируется частями некогда единой организации «Авдет», которая, в свою очередь, была учреждена на основе неформального объединения «Партенитская группа». В настоящий момент эти фракции функционируют как общественные организации «Себат» и «Авдет». В процессе раскола «Авдета» часть старших полян протеста поддержала членов бывшей «Партенитской группы» и вместе с ними образовала новую организацию «Себат», другие остались вместе с председателем «Авдета» Мустафой Маушевым. К примеру, одно из полей в рамках внешнего самозахвата⁵⁰, насчитывающее 800 индивидуальных участников и контролируемое пятью старшими, по нашим данным, сохранило лояльность к «Авдету». При этом индивидуальные участники полян протеста формально могут не быть членами той или иной организации, а в некоторых случаях сознательно дистанцируются от них, руководствуясь принципом «мы с теми, кто нам поможет». Уровень старших полян является ключевым в иерархии, поскольку именно эта позиция позволяет, с одной стороны, заслужить авторитет в глазах основной массы участников полян, а с другой – конвертировать этот авторитет в определенный политический капитал. Даже среди руководства организаций, контролирующих самозахваты, особо выделяются те из них, кто одновременно является старшим поляны. Такие организации, как «Авдет», изначально формировались как объединения старших полян. Со временем происходило определенное усложнение структуры и дифференциация ролей внутри организации, в частности привлекались внешние специалисты, такие как юристы и специалисты по информационным технологиям. Важно отметить, что организации и неформальные группы⁵¹, контролирующие поляны протеста, действуют автономно друг от друга и от Меджлиса крымскотатарского народа, с которым они могут в определенных случаях взаимодействовать (как, например, новый «Авдет» в 2011 году) и вступать в конфликт («Себат»). Индивидуальные поляны протеста могут напрямую взаимодействовать с Меджлисом (через местный меджлис), что имеет место в случае с внутренним самозахватом в Мирном и в Левадках Симферопольского района. При этом Меджлис, как представительный орган всего крымскотатарского народа, в переговорах с властями выступает от имени и в интересах всех участников массового протестного движения за защиту земельных прав.

Для того чтобы понять природу как всего протестного движения в защиту земельных прав в целом, так и полян протеста как формы общественной организации, важно обратить внимание на экономические аспекты функционирования этих институтов в их связи с общественными отношениями, представлениями о справедливости, законности

и незаконности, предназначении земли как общественной ценности – сферы, которую в антропологии принято называть моральной экономикой (moral economy).

Вопреки популярным представлениям, распространяемым, в частности, средствами массовой информации, самозахват не представляет собой метода бесплатного получения земли в собственность. Как и любая форма общественной организации, поддержание поляны протеста в активном состоянии требует самых разных ресурсов и связано с прямыми и косвенными материальными затратами. Прямые затраты включают землеустроительные работы (землеотвод, планирование территории и т.п.), требующие определенных профессиональных навыков, затем идет хотя бы предварительное обустройство территории и индивидуальных участков, обеспечение охраны, системы оповещения на случай чрезвычайных обстоятельств и т.п. Косвенные затраты связаны, в частности, с правозащитной деятельностью, правовым сопровождением, проведением различных массовых мероприятий политического характера. С течением времени деятельность по поддержанию поляны протеста усложняется и требует определенной профессионализации, т.е. возникают затраты, связанные с поддержанием управленческого аппарата, политическим и юридическим обеспечением. С другой стороны, вокруг самозахватов формируется своеобразный рынок. Участок на самозахватах является предметом купли-продажи. Цену участка можно представить как текущую цену на реальном рынке участков под жилищную застройку с дисконтом на риск и необустроенность. Соотношение этих цен, как правило, приближается к 1:10. Поскольку речь идет о продаже не собственно земельного участка, а скорее возможности иметь участок, то можно считать, что примерно во столько раз общество оценивает вероятность получения земли путем участия в протестных акциях. Эта оценка и соответственно цена колеблется в зависимости от хода переговоров с властями по вопросам земли. С другой стороны, эта возможность реализуется не только и не столько в силу наличия конкретного участка, сколько в рамках списка участников той или иной поляны, контролируемого старшими этой поляны. Однако для реализации возможности получения земельного надела важно, чтобы соответствующий претендент также подал заявление в органы местной власти. Местные органы власти, таким образом, имеют еще один список, лишь частично совпадающий со списком старших полян протеста. Список местной власти может содержать имена всех, кто когда-либо претендовал на получение участка, и поэтому он значительно больше, чем список реальных претендентов. Так, список Мирненского сельсовета на 20 мая 2011 года включал 11 972 человека, что почти совпадает с общим числом претендентов на землю, верифицированным Меджлисом и переданным в Рескомнац⁵².

То, что люди готовы платить за участок, вполне объяснимо с точки зрения моральной экономики самозахвата. Плата за участок, которая, по сути, представляет собой также плату за вхождение в группу участников поляны протеста, является общественно признанной компенсацией эквивалента тех материальных и моральных затрат, которые понес каждый участник акции⁵³. За пределами протестного движения информация о такой коммерческой активности вокруг самозахватов, однако, может восприниматься негативно и служить дополнительным фактором усиления конфликтности в крымском обществе. Материал, собранный в рамках данного исследования, не позволяет оценить в цифрах количество участков, сменивших собственников за время, прошедшее с момента закрепления протестного движения на земле. Однако за прошедшее с начала четвертой волны земельных конфликтов время этот оборот составил значительный процент, что также существенным образом повлияло на состав списка участников. Изменение списков по-разному регистрировалось в рамках разных организаций. Так, “Себат” (в прошлом “Паргенинская группа”, или “бородачи”) еще в составе неразделенного “Авдета” вел особую политику, в частности вел так называемые резервные списки, состоящие из тех, кому “Себат” обещал выделить освобожденные по той или

иной причине участки. По утверждению оппонентов “Себата”, последний также руководствовался идеологическими соображениями при корректировке списков – стараясь устранить оппонентов и включить вместо них более надежных членов салафитского религиозного сообщества.

Проблема “правильного” списка участников полян протеста оказалась на повестке дня, как только возникла перспектива урегулирования земельного вопроса. Стремясь избежать проблемы расплывания списков, власти вводят определенные параметры, на которые вынуждены согласиться остальные участники. Исходной точкой отсчета признается список 2006 года как наилучшим образом документированный⁵⁴. В зону риска сразу же попадают все, кто так или иначе присоединился к протестному движению позже. Вначале права таких участников признавались, если они могли показать свой участок/строение и привести свидетелей (т.е. старших поляны). Учитывается также естественная ротация списка. Позже власти меняют свою позицию и ограничивают возможность внесения изменений только сменой фамилии в связи с замужеством или смертью участника, также вводятся новые ограничения, например неженатые молодые люди из списков исключаются⁵⁵. Крымская власть на данном этапе не вполне владеет информацией о внутренней динамике движения в защиту земельных прав и противоречиях в среде его участников. В принятии решений (на момент сбора данных для этого отчета) власти исходили в основном из неявно сформулированного предположения о том, что все участники процесса как члены одного этнического сообщества могут разобрататься между собой сами. Эта позиция, правда, периодически конфликтует с установкой власти на контроль за ситуацией, которая, в частности, проявляется в попытках введения новых правил и ограничений. Непоследовательность политики в отношении списков, являющаяся следствием подобного противоречивого подхода, в результате подрывает доверие к власти.

Одним из факторов, приводящих к расплыванию списков и подрыву легитимности всего движения, являются *free rider*'ы⁵⁶. Эта проблема в равной мере осознается и теми, кто принимает решения, и потенциальными выгодополучателями. Участники внутреннего самозахвата в Мирном, по их утверждению, сами очистили свой список от тех, кто уже имеет участки в других местах. По словам одного из участников поляны протеста, “кто-то продает пятый участок – я из-за таких не получу и одного”.

Одним из важных следствий описанной выше ситуации со списками является осознаваемая представителями крымских властей проблема нахождения надежного партнера по переговорам с участниками протестного движения⁵⁷. На момент сбора полевого материала в целом складывалось впечатление, что выбор был сделан в пользу Меджлиса крымскотатарского народа, при этом власти продолжали контакты с некоторыми альтернативными организациями, прежде всего “Себатом”. В ходе переговорного процесса с властями, по мере приближения позитивной развязки (или не обязательно оправданного предчувствия таковой), усиливается чисто политическая составляющая в конкуренции между разными организациями, представляющими интересы участников протестного движения, и внутри этих организаций между различными фракциями. Примерами этого процесса являются раскол “Авдета” на два идеологически противоположных крыла – салафитский “Себат”, руководимый преемником Данияла Аметова Сейтаметом Гемеджи, и секулярное крыло во главе с Мустафой Маушевым, в итоге унаследовавшее название “Авдет”, и, наконец, обострившееся противостояние между “Себатом” и Меджлисом. Конкуренция за политический ресурс и борьба за земельный ресурс представляют собой два параллельных, плохо синхронизируемых процесса, которые могут приводить к столкновению интересов рядовых участников протестного движения (их интересует земля, а не политика), лидеров организаций и власти.

Еще один пласт проблем, связанный со списками потенциальных выгодополучателей в тех или иных схемах урегулирования земельных конфликтов, связан с мощными

культурными фонами, воздействие которых на позиции различных участников земельного спора тем сильнее и конфликтнее, чем менее оно является предметом осознанной рефлексии.

Один из наиболее устойчивых комплексов представлений о справедливости связан с концептом *очереди*. К очереди апеллируют практически все участники земельного конфликта, что отнюдь не помогает им найти общий знаменатель. Как механизм бесплатного распределения собственности очередь, конечно же, устарела в принципе, но сохранилась как социальный факт. Постсоветская народная и институциональная память просто не знает другой процедуры, олицетворяющей собой общественную справедливость и социальный порядок. Тот факт, что в советских реалиях, когда контроль за очередью полностью находился в руках чиновников, она была скорее инструментом власти, обществом по-прежнему слабо отрелегирован⁵⁸.

Ключевым элементом в представлениях об очереди на самом деле была льгота. Этот инструмент позволял репрессивному государству выделить ту или иную группу и передвинуть ее членов вверх по списку. Заслужить льготу можно было, главным образом, продемонстрировав исключительную лояльность. Еще одну группу льготников составляли лица, пострадавшие от значимых катастроф, таких как чернобыльская. С этой точки зрения становятся понятными некоторые тактики, используемые оппонентами крымских татар, такие как попытки переключить дискуссию о земельных правах на тематику Великой Отечественной войны, как это имело место в Мирном в связи с вопросом о захоронениях на территории бывшего концлагеря. В рамках представлений, которыми руководствуются такие организации, как Русская община Крыма и Таврический союз, крымские татары не проявили необходимой лояльности в годы войны и, таким образом, не могут претендовать на такие льготы, как получение земельных участков. Ср. следующий характерный текст, где нашли отражение все эти смыслы – тема “льготы” как награды за особую лояльность, обвинение в нелояльности (тема предательства) как основание для отказа в предоставлении “льготы” и, наконец, попытка представить депортацию как акт гуманизма, отрицая, таким образом, понимание ее как катастрофы/преступления против человечности, заслуживающего, как минимум, признания и возмещения⁵⁹:

Сегодня обиженным следует считать каждого участника Великой Отечественной войны, инвалида, пенсионера, людей, положивших своё здоровье и получивших нищенские пенсии, которые не позволяют им жить достойно. А инвалиды и участники войны в Афганистане, ликвидаторы аварии на ЧАЭС? Посланные по приказу Родины на смерть, они сегодня не обласканы ни славой, ни почестями. Но никто из перечисленных категорий граждан не требует для себя особых привилегий, хотя, по совести, имеет на это все права.

Есть позорная страница и в современной истории крымскотатарского народа – массовое предательство в период Великой Отечественной войны. [...] Наверное, в тот период, когда ещё шла война, руководство страны поступило правильно и гуманно. [...] Гуманность же заключается в том, что, во-первых, по окончании войны перед государством неизбежно возникла бы проблема сдерживания массовых актов мести и самосудов населения над добровольно участвовавшими в истреблении местных жителей, партизанских отрядов, крымского подполья; во-вторых, в переселении крымских татар в основном в Узбекистан, не пострадавший от войны, относительно тёплый и сытый регион, куда в период оккупации были эвакуированы промышленность и цвет советской интеллигенции⁶⁰.

В том, что представители местной власти часто вспоминают об очереди, можно увидеть и вполне прагматический аспект. Органы местного самоуправления, которые в любом случае оказываются крайними в споре о земле, испытывают дефицит четкой и понятной процедуры. Поселковый голова Мирного сформулировала свое видение проблемы следующим образом: “Если бы была ситуация как с постановкой на квартирный учет; а так у нас есть только перечень поданных заявлений; очередность подачи за-

явлений в законе не прописана; только поданное заявление, наличие земли, независимо от того, ты местный или нет”. Изученная нами ранее ситуация в Чистеньком Симферопольского района свидетельствует о том, что попытки местной власти создать свою, не прописанную в законе, процедуру выделения земельных участков, опять-таки на основе очереди и собственных представлений о льготах, приобретают явно дискриминационный характер по отношению к крымским татарам и приводят к эскалации конфликта.

Среди общественных представлений, определяющих взаимоотношения участников конфликта, важное место занимает комплекс представлений о земельных правах⁶¹. Хотя эти представления в своей основе могут быть общими у крымских татар и русскоязычных крымчан, расхождения в незначительных нюансах может быть достаточно для конфликта. Так, в представлениях обеих групп земля должна принадлежать тем, кто на ней долго жил. Но в представлениях русскоязычных крымчан необходимое время может укладываться в пределах жизни одного поколения и землю также можно или, возможно, даже нужно “заслужить” трудом на ней. А для крымских татар одного поколения явно мало “своя земля – это там, где дом моих родителей/предков”. Этому не противоречит идея о том, что экономические условия не могут не влиять на выбор места жительства. О степном Крыме говорят, что “там жить нельзя – ни воды, ни работы”. Этим оправдывается внутренняя миграция в более благополучные районы.

Обе группы склонны считать, что “местные” (жители данного населенного пункта) имеют приоритетные права на землю в границах той или иной административной единицы. Это право в представлениях русскоязычных является исключительным – пришлых не следует пускать ни при каких обстоятельствах; крымские татары допускают поправку на групповую солидарность и при определенных обстоятельствах принимают приезжих. Обе группы уверены в том, что уроженцы того или иного села имеют приоритетное право на землю на своей исторической родине⁶². Этот комплекс представлений поддерживает популярную среди крымских татар идею реституции собственности, утраченной вследствие депортации. Хотя в официальном дискурсе Меджлиса крымскотатарского народа возможность проведения реституции, по сути, отрицается, тема утраченного имущества, в первую очередь в виде разговоров о “доме отца, матери”, занимает одно из центральных мест в общественном сознании. В определенном смысле можно сказать, что, хотя реституция не является частью законодательной базы решения земельных проблем, она как часть общественных представлений функционирует в виде мощного фактора, определяющего динамику реальных земельных конфликтов. Ответственная политика в отношении регулирования земельных прав должна была бы исходить из понимания того, что любой вариант решения проблемы коллективных земельных претензий крымских татар в нынешней форме обойдется гораздо дешевле, чем рассмотрение имущественных претензий жертв депортации в полном объеме.

Почти все самозахваты, кроме двух случаев, один из которых рассмотрен нами в рамках данного исследования (п. Молодежное), произошли на землях, не являющихся частной собственностью, и часто на заброшенных землях (внешний самозахват в п. Мирном). Формально большая часть этих земель относится к категории “земель запаса”, “резерва” или находятся в распоряжении центральных ведомств. Представления о том, что освоение брошенной земли или целины есть благо, а никак не предосудительный поступок, широко распространены в самых разных культурах и восходят еще к нормам обычного права. То же можно сказать и о роли культивации, построек и любых других инвестициях, а также времени освоения как факторах, подкрепляющих претензии на земельный участок.

В общественном сознании и русскоязычных крымчан, и крымских татар коллективистским ценностям также отводится более почетное место в сравнении с индивидуальными правами. Так, аргументация на основе общественного интереса широко исполь-

зуется как участниками протестного движения, так и местной властью. В рамках этих представлений участники поляны протеста как поборники коллективных ценностей находятся в более сильной позиции по сравнению с индивидуальными пайщиками⁶³. Индивидуальных акторов легче заподозрить в неискренности, в наличии какого-то скрытого умысла, в частности коммерческого интереса. Все методы освоения земли, связанные с куплей-продажей (продажа под коттеджи или гипермаркет местной властью, предполагаемая продажа паев пайщиками), получают низкую моральную оценку. Плакат на одном из строений внешнего самозахвата в Мирном гласит: “Нам жить негде, а вы супермаркеты строите”.

При том, что законодательство всецело находится на стороне собственника, частная собственность не представляет значимой общественной ценности. В представлении как крымских татар, так и их русскоязычных соседей право собственника распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению, составляющее суть этого института, представляет собой некую фигуру умолчания. Афишировать свои намерения продать пай предосудительно, более того, наличие такого намерения может быть рассмотрено как аргумент, ставящий под сомнение само право собственности. При этом отношения обмена признаются вполне законными, в частности возможность обменять один пай на другой пай (перекинуть) признается всеми. Утверждение рыночных отношений в земельной сфере с предполагаемой отменой моратория на продажу земли в немалой степени сдерживается описанными выше архаичными представлениями, и реальная ситуация на земле еще долго будет стремиться вниз по шкале, ведущей от отношений натурального обмена к рыночным и от коллективизма к экономической свободе, порождая все новые и новые конфликты.

Для успешного продвижения земельных реформ просто необходимо урегулировать существующие земельные конфликты в АР Крым как предварительное условие. Даже максималистский вариант урегулирования, предполагающий умеренно расширительное толкование списков, может оказаться социально намного дешевле, чем решение, отсроченное до момента, когда рынок начнет работать в полную силу.

Теоретически можно предположить, что земельные споры, связанные с большими коллективными претензиями, могли бы решаться следующим образом:

- 1) путем прямых переговоров и достижения компромисса между участниками спора;
- 2) путем обращения в суд;
- 3) апелляция к исполнительной власти и/или органам местного самоуправления.

Каждая из этих моделей предполагает разные схемы взаимоотношений между сторонами конфликта. Первая будет успешной только при более или менее равном статусе сторон в переговорах (как это понимается в гражданской медиации). Во втором случае одна из заинтересованных сторон выступает в качестве истца, а вторая – ответчика, и решение, скорее всего, не будет представлять собой компромисса, в той или иной форме удовлетворяющего всех участников конфликта и снимающего социальное напряжение. В обществах, где действует принцип верховенства права, конфликт, как правило, исчерпывается решением суда, каково бы оно ни было. Третья модель традиционна для постсоветского общества и предполагает наличие всеильной высшей инстанции, способной навязывать любые решения всем участникам.

Социальная реальность, представленная в нашем материале, показывает определенное противоречие между старыми общественными привычками и новыми реалиями переходного периода. Приведенный список моделей урегулирования не случайным образом коррелирует с описанной выше шкалой общественных отношений от “обмена к рынку”. Архаичным политико-экономическим установкам соответствует стремление к авторитарной модели урегулирования “пусть начальство решает”⁶⁴. Акторы, участвующие в рыночных отношениях, склонны ориентироваться на вторую модель. Инициато-

рами судебных разбирательств в нашем материале выступают в первую очередь коммерческие предприятия. Пайщики же обращаются к власти и именно от нее ожидают решения, их обращение в суд подсказано чиновниками, при этом даже благоприятное для них судебное решение не может удовлетворить их интересы.

До 2008 г. поляны протеста ориентировались на возможность нахождения отдельного решения по каждому случаю. При этом, видя в органах местного самоуправления скорее препятствие, чем механизм урегулирования, участники протестного движения апеллировали к республиканским властям. Индивидуальные поляны протеста, управляемые независимыми друг от друга общественными организациями (“Авдет”, группа Курсеита Абдуллаева, местные межлисы и др.), превращаются с точки зрения лиц, принимающих решения, в некую единую проблему. Ключевую роль в процессе урегулирования играли комиссии, учреждаемые республиканскими властями, такие как “Рабочая группа по изучению ситуации с выделением земли ранее депортированным гражданам” во главе с вице-премьером А. Абдуллаевым. Участники протестов рассчитывали, что республиканские власти смогут навязать необходимое им решение путем давления на органы местного самоуправления и при необходимости (там, где речь шла о землях запаса, которые необходимо было включить в черту населенного пункта) на районные советы. Республиканские органы, с одной стороны, не были юридически полномочны распорядиться спорной землей, а с другой – находились под не меньшим давлением со стороны других, часто неявных, участников спора за землю (застройщиков, агробизнеса и т.д.). Требования протестующих не находят решения на республиканском уровне. Серия судебных процессов, направленных на освобождение наиболее привлекательных для застройщиков участков, заканчивается силовыми полицейскими операциями, вызвавшими широкий общественный резонанс⁶⁵. В решение проблемы вынуждены вмешаться центральные власти. В 2008 г. назначается правительственная комиссия “по решению проблем, связанных с приобретением и реализацией прав на землю гражданами, проживающими на территории Автономной Республики Крым” во главе с министром охраны окружающей среды. Назначение комиссии на уровне Кабинета Министров оправдано, в частности, тем, что часть земель (в том числе земли внешнего самозахвата в Мирном и часть земель в Молодежном) находится в ведении центральных ведомств. Кабмин обещает передать эти земли в распоряжение органов местного самоуправления для последующего выделения их участникам акций протеста. С технической стороны соответствующее решение было полностью проработано, но окончательно проведено соответствующим постановлением Кабмина не было. В 2010 году состоялись выборы, и процесс поиска решения начинается с чистого листа. Создается Комиссия ВР АРК “по решению вопросов, связанных с освобождением самовольно занятых земель и предоставлением депортированным и другим гражданам земельных участков для строительства и обслуживания жилых домов в Симферополе и Симферопольском районе” и рабочая группа для подготовки соответствующего решения.

По словам председателя земельной комиссии Межлиса З. Куртумерова, “вместе с этой комиссией мы протопали все самозахваты”. Были определены площади и установлены собственники земли, наличие временных и капитальных сооружений, в том числе мечетей. Все это было актировано, более 65 актов были подписаны членами рабочей группы. В январе 2011 года председатель СМ АРК В.Г. Джарты потребовал от Рескомзема определить площади земельных участков министерств и ведомств Украины, требовавшие отчуждения, что составило 1495 га. Соответствующее решение было принято Кабмином в начале марта, министерства и ведомства обязались закончить рассмотрение всех вопросов до 21 марта 2011 года. Тем не менее по состоянию на июнь 2011 года вопрос решен не был.

Выводы

Механизмы мирного разрешения конфликтов представляют собой необходимое условие стабильного развития общества. К таковым относятся институты и практики, как формальные, так и неформальные, позволяющие сторонам конфликта найти решение без применения насилия. Можно считать, что система мирного урегулирования конфликтов функционирует, если существует определенное разнообразие средств как на государственном уровне, так и на уровне гражданского общества. С этой точки зрения необходимо признать, что в АР Крым и Украине в целом этот арсенал необыкновенно беден. Наличествующие механизмы, нашедшие, в частности, применение в Мирном и Молодежном, включая суды и специальные комиссии при республиканских и центральных органах власти, несовершенно и характеризуются следующими недостатками:

1. Они непредставительны по отношению к интересам всех сторон. Как правило, в них представлены интересы только одной из сторон конфликта и не представлена та сторона, которая имеет конкурирующие претензии (например, застройщики). Они маскируют социальную реальность конфликта. В суде местная власть может фигурировать и как истец, и как ответчик по типологически близким делам (в Молодежном местный совет – ответчик, в Мирном – истец), при том, что реальным заинтересованным лицом выступает бизнес (гипермаркет, застройщик – как в Мирном), участники протестных акций в переговорах с властями представлены общественными организациями, а в судах – индивидуальными участниками, идентифицированными случайным образом и не имеющими влияния на исход конфликта.

2. Они не адаптированы по отношению к реальному масштабу существующих претензий: в то время как суд рассматривает лишь отдельно взятый случай, как правило, отдельный участок на территории той или иной поляны протеста, общественное мнение рассматривает эту поляну как единый комплекс и препятствует частичному изменению ситуации без нахождения общего решения; комиссии же, в свою очередь, склонны рассматривать проблему в целом на региональном или даже национальном уровне, в то время как часть проблем могла бы быть решена отдельно путем нахождения компромисса на местном уровне.

3. Предлагаемые ими решения не имеют универсальной силы, – авторитет судов и комиссий легко оспаривается стороной, которая ощущает неудовлетворенность решением. Судебные решения исполняются только в особых случаях, при наличии дополнительных ресурсов у заинтересованной стороны, и даже тогда могут быть безрезультатными. Комиссия, по мере работы погружаясь все глубже в конфликтную среду, оказывается под давлением конкурирующих групп, в том числе не имеющих прямого отношения к существу спора, и в итоге не может принять какое-либо решение, способное приблизить решение земельной проблемы.

Единственным эффективным механизмом в рассмотренных нами случаях была гражданская медиация. Она обеспечила нахождение решения на местном уровне без апелляций к вышестоящим властям в формате прямых переговоров между реальными участниками конфликта и заинтересованными сторонами. Применение гражданской медиации позволило избежать большинства из описанных выше недостатков, присутствующих другим методам урегулирования конфликта, чем, собственно, и обеспечила позитивный исход. Неполный перечень ключевых достижений медиаторов, выгодным образом отличающий ситуацию в Мирном от случаев в Молодежном и процесса урегулирования земельной проблемы 2006–11 гг., включает следующие пункты: все стороны конфликта напрямую приняли участие в переговорном процессе; интересы стороны были сформулированы в явной форме; ресурсы для урегулирования спора (земли запаса) были оценены сторонами объективно, прозрачно и совместно; было обеспечено необходимое равенство сторон в переговорах, что позволило достичь высокого уровня доверия; все стороны выполнили свои обязательства по отношению друг к другу.

¹ По словам одного из участников событий тех лет: “В свое время, в 90-е, весь этот массив компактного проживания был самозахватом... три раза нас сносили. Так построился поселок, уже большой, люди живут” (интервью одного из жителей поселка Яшлар/Молодежное, июнь 2011 г.).

² Указ Президента № 765/99 от 28 июня 1999 г. “Про додаткові заходи щодо задоволення потреб громадян у земельних ділянках”.

³ See UNDP-sponsored report: Velko Mikelich. Zemelnye otnoshenia v Krymu. October 2006 – for summary of report findings, see the Crimean Parliament’s website: – <http://www.rada.crimea.ua/news/20070505-oon1.pdf>

⁴ В терминологии участников полян протеста это называется “сесть на землю” (материалы полевых исследований, июнь 2011 г.).

⁵ Закон Украины “Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення відповідальності за самовільне зайняття земельної ділянки”. Закон вступил в силу 3 февраля 2007 г. Подобная норма имела в УК УССР 1960 г.

⁶ Олександр Богомолов, Ігор Семиволос. Кримськотатарський газетний дискурс: уявлення про себе // Критика. 2010/1–2 (147–148).

⁷ Мы не утверждаем, что земельные отношения в других регионах носят чисто экономический характер и не могут быть политизированы. Однако только в Крыму процесс освоения земли часто становится политическим вопросом уже с первых шагов – с момента подачи заявки на получение земельного участка. В зависимости от идентичности заявителя такой шаг может быть рассмотрен как представляющий угрозу для электорального баланса, воспринят как экспансия той или иной этнической группы или же как шаг, несущий угрозу ценностным символам (в случае, если данный участок находится на территории какой-либо святыни или места, имеющего историческое значение для той или иной группы).

⁸ См.: Власти Мирновского сельсовета подали в суд на инициаторов славянских самозахватов // Крымское информационное агентство. – <http://www.kianews.com.ua/node/3191>

⁹ Ранее было принято решение о включении 348 га сельскохозяйственных земель в границы населенного пункта в целях последующего распределения их для нужд индивидуального жилищного строительства.

¹⁰ “Крымское эхо”. 14.02.2008.

¹¹ Интервью, июнь 2011 г.

¹² Интервью с русскими активистами внутреннего самозавтата, июнь 2011 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Интервью с председателем Таврического союза Анатолием Филатовым, Ялта.

¹⁵ Материал фокус-группы с жителями Мирного, 21 июня 2011 г.

¹⁶ Наталья Гаврилева. “Таврический союз” набирает обороты. – <http://kr-echo.info/index.php?name=News&op=article&sid=6316>

¹⁷ Русская община Крыма готова самостоятельно решить вопрос самозахватов на территории концлагеря “Красный”. 19 мая 2011 г. // ИА Контекст Крым. – http://context.crimea.ua/news/politics/rysskaya_obshina_kryma_gotova_samostoyatelno_reshit_vopros_samozahvatov_na_territorii_konclagerya_%C2%ABkrasnij%C2%BB.html

¹⁸ Эта тема была исследована на фокус-группе, проведенной с русскоязычными жителями п. Мирного 21 июня 2011 г.

¹⁹ Интервью со старшими полян на Жигулиной Роще, Дубках и председателем сельсовета с. Ровного, июнь 2011 г.

²⁰ Одним из лидеров славянского самозавтата в Мирном является местный бизнесмен, хозяин предприятия розничной торговли (интервью).

²¹ “Себат” образован в результате раскола весной 2011 г. общественной организации “Авдет” сторонниками Сейдамета Гемеджи.

²² Термин “Верхнее поле” применяется в отношении данной территории самими участниками самозавтата; в отличие от него, второе поле, примыкающее к шоссе, особого названия не имеет, – далее мы предлагаем условно называть его “Нижнее поле”.

²³ Эта политика огораживания вызывает недовольство местных жителей, так как, по их словам, даже машина “Скорой помощи” не может проехать в поселок самостоятельно, без сопровождения местных жителей – без их помощи невозможно найти дорогу. Огораживание не представляет локальной инновации, характерной только для п. Молодежного. К подобной практике прибегают часто как в АР Крым, так и по всей Украине. В определенном смысле можно

сказать, что общая протяженность украинских заборов коррелирует с уровнем ощущаемой угрозы для частной собственности.

²⁴ Достоверность этой информации не удалось подтвердить из независимых источников.

²⁵ Это примыкающий к трассе Симферополь – Севастополь участок на бывшем поле колхоза “Советская Украина”, именуемый организаторами самозахвата Курбанкой.

²⁶ С 1991 г. В. Закорецкий занимал ряд ключевых постов на районном и региональном уровне; ранее работал в Симферопольском райкоме КПСС. Ему приписывается целый ряд крупных бизнес-проектов в районе, общественное мнение рассматривает его в качестве реального распорядителя и собственника большинства значительных земельных участков и контрольного пакета в сельскохозяйственных предприятиях, а также туристическом бизнесе на побережье в пределах Симферопольского района.

²⁷ Еще с первой волны самозахватов в 1990-е гг. сложилась практика возведения небольших недостроенных домиков для маркирования индивидуальных участков; подобная практика основывается на представлениях о том, что усилия и средства, вложенные в обустройство земли, закрепляют право на обладание ею, а невнимательное отношение, приводящее к запустению, напротив, приводит к утрате прав на землю. Подобные представления уходят своими корнями в обычное право и с небольшими вариациями встречаются всюду, где имели место слаборегулируемые официальными властями процессы освоения земель, – от Северо-Американских Штатов времен президента Линкольна до современной Латинской Америки.

²⁸ Экспертное заключение Регионального предприятия ТПП Крыма.

²⁹ Цитата про джип: “Видите этот джип? У вас такие же будут”. На пике цен на землю в пригородной зоне Симферополя за пай такого размера могли предлагать 300–400 тысяч долларов США.

³⁰ Интервью с пайщиками, с. Богдановка, Симферопольский район, июнь 2011 г.

³¹ Интервью с пайщиками, июнь 2011 г.

³² Решение 8 сессии 6-го созыва Молодежного поссовета от 20.04.11 “О ходатайстве перед Симферопольской райгосадминистрацией”, где, в частности, приводятся следующие аргументы: “Учитывая интересы и мнения жителей громады, проживающей в непосредственной близости от этих паев... с целью решения вопросов социально-экономического развития территории”.

³³ Местные органы власти не фигурировали в списке многочисленных инстанций, в которые обращались пайщики; о ходатайстве местной власти перед районной о переносе паев пайщикам также ничего не было известно (интервью с пайщиками, с. Богдановка, июнь 2011 г.).

³⁴ Указ Президента № 765/99 28 июня 1999 г. “Про додаткові заходи щодо задоволення потреб громадян у земельних ділянках”. Указ требовал от местных властей “організувати в межах своїх повноважень до 1 січня 2000 року передачу у власність і надання у користування педагогічним працівникам, лікарям, іншим працівникам соціальної сфери, пенсіонерам з числа цих працівників, а також депортованим особам, які повернулися в Україну, земельних ділянок за рахунок земель запасу та резервного фонду”.

³⁵ IV Курултай крымскотатарского народа, первая (9–11 ноября 2001 г.) и вторая (19 января 2002 г.) сессии. Документы и материалы. Симферополь: Оджак, 2004.

³⁶ Земельный кодекс Украины определяет земли запаса как “всі землі, не передані у власність або не надані у постійне користування” (Земельный кодекс Украины, гл. 13, с. 80).

³⁷ В соответствии со ст. 81 ЗКУ, “Землі запасу перебувають у віданні сільських, селищних, районних, міських, в адміністративному підпорядкуванні яких є район, рад народних депутатів і призначаються для передачі у власність або надання у користування, в тому числі в оренду, переважно для сільськогосподарських потреб”.

³⁸ “Если все будут действовать по закону” (интервью с прокурором Автономной Республики Крым Александром Доброрезом) // “День”, № 174, четверг, 27 сентября 2001 г. – <http://www.day.kiev.ua/83895/>. В интервью приводятся результаты прокурорской проверки, произведенной по поручению Президента Украины.

³⁹ Совхоз “Большевик”, КСП “Большевик” с 1996 г., СПК “Большевик” с 2000 г.

⁴⁰ Интервью с председателем сельсовета Ровного В.П. Шлапак.

⁴¹ Интервью с другими участниками событий (Сулейманом Ширинским, Г. Садычко) и медиаторами (Г. Байрамовой, И. Терещенко) подтверждают эти слова.

⁴² Важно, что наиболее острая фаза конфликта совпала по времени с периодом созревания зерновых, т.е. именно той критической точкой в ежегодном сельскохозяйственном цикле, когда

приближается возврат инвестиций, вложенных в новый урожай. Объективно – это период наибольшего риска.

⁴³ Предметом общественного обсуждения, к примеру, стал сон, увиденный одним из непосредственных участников событий: фермер видит, что его поле сожгли, он сам получил инфаркт и беспомощно лежит на краю сожженного поля (интервью с Г.И. Садычко, июнь 2011 г., Красногвардейское).

⁴⁴ Интервью с ровненским сельским головой Валентиной Шлапак, июнь 2011 г., Ровное.

⁴⁵ К примеру: “Они [крымские татары] растениеводством не занимаются. Им земля не нужна” (полевой материал, Ровное).

⁴⁶ Интервью с Инной Терещенко, сентябрь 2011 г.

⁴⁷ По словам одного из участников протестов, “кто ходил на площадь и сидел там – тот и в списке” (Андрей Богданов. “В Крыму открылся сезон самозахватов” // События, № 12 (016). – <http://www.sobytiya.com.ua/public/06/266>).

⁴⁸ За объединением закрепилось название “Партенитская группа” после целого ряда нашедших протестных акций, проведенных его участниками в Партените еще в период третьей волны земельных конфликтов.

⁴⁹ В один день произошло около 10 самозахватов в Симферопольском районе, в том числе описанные нами ситуации в Мирном и Молодежном.

⁵⁰ Речь идет об одном из полей, примыкающих к микрорайону Маршала Жукова, народное название “Жучка”.

⁵¹ К примеру, группа, контролирующая самозахват Курбанкой на территории Чистеньского сельского совета, Симферопольский район.

⁵² На июнь 2011 г. Меджлис оперировал цифрой 10358 человек.

⁵³ Ср.: Mancur L. Olson. *The logic of collective action. Public goods and the theory of groups.* Harvard University Press, 2002, где необходимость взноса со стороны новичка, компенсирующего потери участников группы, описывается как общий случай, характерный для взаимоотношений в малых группах.

⁵⁴ Эти списки шли с подписями старших полей, визировались представителями меджлиса и председателем “рабочей группы по изучению ситуации с выделением земли ранее депортированным гражданам”, назначенной Верховной Радой АР Крым, А. Абдуллаевым.

⁵⁵ За этим ограничением, очевидно, стоят старые советские представления о жилищной очереди, которые предполагали предоставление полноценного жилья семейным и общежития молодым неженатым и незамужним (“одиноким предоставляется общежитие” – стало практически идиомой в советские времена), условием постановки на квартирный учет был брак. То, что вводится именно это ограничение, говорит о том, что власти, по сути, рассматривают земельный вопрос как жилищный.

⁵⁶ Так принято называть тех, кто стремится получить социальные блага, не имея на то законных оснований, в частности путем фальсификации таких оснований. В крымской ситуации, и, по-видимому, вообще в постсоветской, существует проблема с умением предотвращать риск фрирайдерства, в частности из-за унаследованной от советских времен склонности к так называемой уравниловке: представления о том, что максимальное количество людей, которые могут претендовать на то, что находятся в равных с кем-либо условиях, как правило, получают равные блага; все категории льготников имеют тенденцию к расширению и воспроизводству по аналогии.

⁵⁷ Существует риск того, что организация может манипулировать списком в тех или иных целях, в результате чего значительное количество участников не получит ожидаемого удовлетворения и вместо желаемой разрядки процесс переговоров приведет к эскалации конфликта; к примеру, предметом особой обеспокоенности должны были бы быть так называемые резервные списки “Себата”, не обеспеченные соответствующими свободными участками.

⁵⁸ О роли управляемого дефицита жилья в управлении обществом в советские времена см., в частности: М.Г. Меерович. Как власть народ к труду приучала. Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917 – 1941 гг. Ibidem, 2005.

⁵⁹ Тот факт, что крымские татары пострадали именно по принципу *nomen ipsum*, только за то, что такова этническая идентичность каждого из них, и вне зависимости от всех прочих обстоятельств, и даже исключительная лояльность по отношению к советской власти никого не могла спасти, а теперь они могут требовать компенсации, в понимании оппонентов противоречит принципу “полного равенства прав и свобод всех граждан, недопущения каких-либо привилегий

какой-либо из наций” (Анатолий Могилёв. “В Крыму зреет конфликт по косовскому сценарию”. – <http://www.kp.crimea.ua/newspapers/archive/2008/01/24>) – выбор, сделанный репрессивным государством, таким образом, преподносится как осознанный выбор самой жертвы, по сути, вменяется ей в вину.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Предметом администрирования земли с точки зрения международного опыта являются именно *земельные права*, а не сама земля (Veljko Mikelic. Housing, Land and Property in Crimea. United Nations Human Settlements Programme. December 2007. – www.unhabitat.org/pmss/getElectronicVersion.asp?nr=2438&alt=1). Отсутствие понимания необходимости принятия именно такого угла зрения на проблемы земли представляет собой одно из слабых мест регуляторной политики в области земельных отношений в Украине.

⁶² Характерно, что это убеждение может использоваться и против крымских татар их оппонентами – с начала массовой репатриации один из наиболее популярных аргументов тех, кто не хотел пускать репатриантов в Симферопольский район и на ЮБК, состоял в том, что каждый крымский татарин должен вернуться в свое родное село, при этом массовое хождение в среде русскоязычных крымчан имеет фактически неверное представление о том, что “татары на ЮБК никогда не жили”.

⁶³ Молодежненский сельский совет также аргументирует необходимость переноса паев интересами развития поселка.

⁶⁴ Обращение к власти означает признание того, что земля на самом деле принадлежит ей, и власть часто охотно признает это, хотя в сложившихся переходных реалиях не может поступить как полномочный владелец и разрешить спор.

⁶⁵ Речь идет о двух попытках освободить участок на ул. Балаклавской в Симферополе на основании судебного решения от 11.07.2006, попытке освободить один из участков на территории Чистеньского сельсовета (Курбанкой) в 2007 г. и милицейской операции на горе Ай-Петри 6.11.2007. Последний случай не имел прямого отношения к протестному движению в защиту земельных прав (объектом операции было предприятие общественного питания), но рассматривался республиканским главком МВД как в контексте “решения” проблемы самозахватов.